

RU

Концептуальная оппозиция «правда – ложь» в чувашской и русской языковых картинах мира

Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление лингвокультурологических особенностей репрезентации концептов ПРАВДА и ЛОЖЬ в русской и чувашской языковых картинах мира. В статье рассмотрены структурно-семантические особенности концептов как сложных ментальных образований, выявлены их межкультурные соответствия, проанализированы понятийные, образные и морально-эстетические составляющие, отражающие важные установки жизненной философии русского и чувашского народов. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые представлено описание концептов ПРАВДА и ЛОЖЬ на материале русских и чувашских пословичных выражений в сравнительно-сопоставительном ключе, рассмотрены лингвокультурные аспекты их языковой реализации, выявлены межкультурные соответствия и различия, определяющие языковую ментальность чувашского народа. В результате исследования установлено, что когнитивные категории «правда» и «ложь» являются базовыми элементами культурного кода наций. Они образуют единую смысловую парадигму в пространстве русской и чувашской картин мира и выступают как единицы функционально-прагматического уровня. Эмоционально-оценочная интерпретация рассмотренных компонентов определяется жизненными или поведенческими ситуациями и получает различное метафорическое наполнение в рамках исследуемых лингвокультур.

EN

The conceptual opposition of "truth – lie" in the Chuvash and Russian language worldviews

L. V. Borisova, A. M. Ivanova, E. V. Chueva

Abstract. The purpose of the study is to identify the linguistic and cultural features of the representation of the concepts of TRUTH and LIE in the Russian and Chuvash language worldviews. The article examines the structural and semantic features of the concepts as complex mental formations, identifies their intercultural correspondences, analyzes conceptual, figurative and moral-aesthetic components reflecting important attitudes of the life philosophy of the Russian and Chuvash peoples. The scientific novelty of the study consists in the fact that it for the first time presents a description of the concepts of TRUTH and LIE based on the material of Russian and Chuvash proverbial expressions in a comparative way, examines the linguistic and cultural aspects of their linguistic implementation, identifies intercultural correspondences and differences that determine the linguistic mentality of the Chuvash people. As a result of the study, it was found that the cognitive categories "truth" and "lie" are the basic elements of the cultural code of nations. They form a single semantic paradigm in the space of the Russian and Chuvash worldviews and act as units of a functional and pragmatic level. The emotional and evaluative interpretation of the considered components is determined by life or behavioral situations and receives various metaphorical content within the framework of the studied linguistic cultures.

Введение

Язык как фундаментальный элемент любой культуры аккумулирует в себе особенности национального самосознания, формирует культуру языкового мышления, идентифицирует человека как представителя определенного этноса. Целостная картина мира в сознании людей трансформируется в определенные концепты, которые в опоре на логические связи образуют систему концептов. Концептуальная картина мира интересует исследователей с позиции ее соотношения с языковой, а поскольку в процессе изучения решаются задачи формирования базисных когнитивных категорий, создаются условия для их модификации и видоизменения, то изучение механизмов когнитивного познания и проявления человеческого фактора в языке

с позиции лингвокультурологии остается одной из основных задач современного антропоцентрического языкознания. Исследование языковой картины мира представителей разных этносов, не связанных родственными отношениями, и способов репрезентации национально-культурных смыслов на ментальном уровне определяет актуальность и важность изучения лингвопрагматических причин процессов противопоставления концептообращающих предметов и объектов окружающей действительности в сознании человека как представителя определенной культуры, что делает необходимым рассмотрение этих категорий в русском и чувашском языках и выявление этнически обусловленных предпочтений, связанных с национальным характером народа.

Проблема вербализации концептуальных понятий, когда одним из объектов исследования становится живой язык, выводит концепты ПРАВДА – ЛОЖЬ в статус основных объектов с позиции языка, лингвокультурологии и философии, поэтому в языковой картине мира любого народа изучаемые категории являются одними из важнейших лингвокогнитивных элементов (Земскова, 2006).

Для достижения цели исследования нами выдвигаются следующие задачи: рассмотреть ключевые средства объективации концептов ПРАВДА и ЛОЖЬ в русском и чувашском языках; выявить языковые и межкультурные факторы, обуславливающие их межкультурное соответствие и формирующие сходство и различие на уровне семантики и выражаемого образного значения; описать национально-культурную специфику концептов и определить их место в концептосфере чувашского народа; охарактеризовать понятийные, образные и аксиологические характеристики данных языковых единиц.

Важным аспектам сопоставительного изучения различных фрагментов русской и чувашской языковых картин мира посвящены отдельные наши работы (Борисова, Чуева, 2021; Борисова, Иванова, Чуева, 2023), но исследование концептуальной оппозиции «правда – ложь» в русской и чувашской языковых картинах мира проводится впервые.

Материалом для исследования послужили данные сплошной выборки объемом около 400 паремиологических единиц, извлеченных из следующих лексикографических источников:

- Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо-пресс, 2000.
- Чăваш халăх пултарулахĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О. Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007 (Чувашское устное народное творчество. Пословицы / сост. О. Н. Терентьева. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2007).
- Чăваш халăх сăмахлахĕ: 6 т. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1985. 5 т. Вак жанрсем / Г. Ф. Юмарт ред. (Чувашское устное народное творчество: в 6-ти т. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1985. Т. 5. Пословицы / под ред. Г. Ф. Юмарта).

Теоретическую базу исследования составляют: работа З. Д. Поповой, И. А. Стернина (2009) по когнитивной лингвистике, в которой определяется национально-культурная специфика языковой категоризации мира; труды Ю. С. Степанова (2001), С. Г. Воркачева (2005, с. 80), развивающих идеи отечественной лингвокультурологии и концептологии и определяющих концепт как единицу коллективного знания с этнокультурной спецификой. Несомненно, важны идеи по ассоциативному мышлению языковой личности Ю. Н. Караулова, Ю. Н. Филипповича (2009) и языковой картине мира Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева (1997), а также работы В. С. Маслякова, Т. А. Нагорной (2021), А. А. Куньковой (2019), рассматривающих лингвокультурные концепты на материале языков разных народов.

В соответствии с целями и задачами работы, были использованы различные методы исследования: описательный метод и приемы анализа словарных дефиниций при описании семантической структуры слов; метод контекстуального анализа для выявления условий реализации языковых единиц и определения их коммуникативных параметров; метод лингвокультурологического анализа с целью определения ассоциативного поля концептов; сравнительно-сопоставительный метод для определения специфических особенностей изучаемых концептов в русской и чувашской картинах мира.

Теоретическая значимость исследования состоит в дальнейшем развитии чувашской лингвоконцептологии, что выражается в расширении состава изучаемых концептов с учетом национально обусловленных факторов, создании условий и перспектив для описания ключевых объектов концептосферы, важных для понимания жизненной философии чувашского народа.

Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в различных видах учебно-научной деятельности, в частности при разработке лекционно-практических курсов по лексикологии русского и чувашского языков, лингвокультурологии, в преподавании русского языка как иностранного, при составлении методических пособий по вопросам межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

В концептуальной картине мира находят свое выражение общечеловеческие универсалии, с одной стороны, национально обусловленные и личностные особенности, с другой. К числу универсальных категорий, определяемых социумом и характеризующих национальную культуру любого народа, относят концепты, влияющие на условия жизни и судьбу человека: ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ВОЙНА, СОВЕСТЬ, ЛЮБОВЬ и другие. Еще античные философские школы рассматривали концепты ПРАВДА и ЛОЖЬ как оппозицию с логико-философским содержанием, основу которой составляет понимание того, что любой объект окружающей действительности познается человеком с позиции соответствия/несоответствия познаваемой действительности (Арутюнова, 1995).

Понятийная основа лингвокогнитивных элементов с концептообразующим содержанием формируется на базе собственно понятийных, образных и морально-этических ценностных характеристик, определяющих ассоциативные и поведенческие составляющие носителей различных языков (Воркачев, 2011, с. 67-68). Считаем, что концепты ПРАВДА и ЛОЖЬ, как ключевые компоненты национальной культуры русских и чувашей, отражают важнейшие установки жизненной философии нации, являются значимыми для понимания чувашского менталитета другими народами. С позиции лингвокультурологии, эти языковые единицы можно охарактеризовать как ключевые компоненты, имеющие ярко выраженное ценностное содержание.

Как в русском языке, так и в чувашском существует лексическая параллель «правда, истина, ложь», представленная соответствующими эквивалентами «тёрёс, чӑнлӑх, суя». Однако можно заметить, что лексемы «тёрёс» и «чӑнлӑх» менее дифференцированы семантически, нежели слова «правда», «истина» в русском языке, которые далеко не всегда могут взаимозаменяться в условиях контекста. Сравним: *У каждого своя правда* (но не истина, потому что она одна). Тем не менее примеры, подтверждающие смысловой приоритет истины над правдой в чувашском языковом сознании, мы также находим: *Пёр тӗнчере пӗр чӑнлӑх, анча йна тупма хӗн.* / «В одном мире одна истина, но найти ее трудно» (здесь и далее представлен авторский перевод. – Л. Б., А. И., Э. Ч.).

Образуя единую смысловую парадигму, правда и ложь являются одновременно противоположными сущностями, антагонистами, по мнению носителей чувашского языкового сознания: *Чӑнна суя пӗрле пурӑнай-машӑ.* / «Правда и ложь вместе не уживутся»; *Суя инкен чӑнни сук, чӑн сӑмахӑн суйи сук.* / «У лжи нет правды, у правды нет лжи».

В русском языковом сознании правда восходит к божеству, это основа нравственности человека, справедливость и правосудие, что подтверждается большим количеством пословичного материала: *Не в силе бог, а в правде; Бог на правду призрит; Правда груба, да богу любя.* В чувашском языке подобная аналогия зафиксирована в единичном варианте: *Тёрӗслӑх тӗпӗре, тёрӗсмарлӑх сӗр сӑнче.* / «Правда на небе, неправда на земле». Можно предположить, что в таком контексте семантика понятийной единицы имеет в некоторой степени обобщенный характер, поскольку мыслится как нечто недостижимое для простого чуваша и, что важно, ее наличие или отсутствие зависит от внешнего влияния или воздействия: *Чӑнлӑх тӗне кӗнӗ чух пурса вилӗ тет.* / «Говорят, что правда утонула при крещении»; *Чӑнлӑх Турӑ аллинче, усси патша аллинче.* / «Правда – в руках Бога, а ключ – в руках царя».

Суровые условия жизни, несправедливость в обществе заставляют задуматься о существовании правды: *Чӑн тӗнчере те чӑнлӑх сук.* / «В реальном мире тоже нет правды (истины)»; *Тёрӗслӑх тинӗс тӗпӗнче те сук.* / «Правды нет и на дне моря». Пословицы с подобной семантикой находим и в русском языке: *Правде нигде нет места; Правда прежде нас померла.* Как видим, сомнения в устойчивости правды на Земле свойственны и русскому, и чувашскому народам. Если она все же существует, то до нее трудно добраться, сравним: *Тёрӗслӑх сӗр айне алтӑнса юлӑ.* / «Правда зарыта в землю»; *Тёрӗслӑх тӗрмене тухайман.* / «Правда не смогла выйти из тюрьмы». – *Была правда, да в лес ушла; Была правда, да по мелочам в разноевску ушла.*

В проанализированном материале отчетливо прослеживается мысль, что поиск правды, как и смысла жизни, нелегко и не всем удается ее найти: *Чӑнлӑх шыракан нумай, тупакан сахал.* / «Много тех, кто ищет истину (правду), но мало тех, кто ее находит». Когда речь идет о поисках правды, люди, по мнению чувашей, разделяются на два типа: те, которые ищут правду, и те, которые прячутся от нее: *Тӗнчере ук тӗрлӗ халӑх: пӗрисем чӑнлӑх шырашӑ, теприсем чӑнлӑхран тарашӑ.* / «В мире два типа людей: одни ищут правду, другие бегут от нее». В чувашском языковом сознании отношение к поиску правды нам представляется в большей мере пессимистичным, поскольку может привести к неприятным последствиям: *Тёрӗслӑх шыракан тӗксӗр юлӑ.* / «Ищущий правду остался без перьев»; *Чӑнлӑх шыракан чул хушшине хӗсӗнӗ тет.* / «Говорят, что искатель истины (правды) застрял в камне»; *Тёрӗслӑх тӗрмене хуптарать.* / «Правда посадит в тюрьму».

В сознании чувашского народа правда описывается как «прямая», но она сосуществует с неправдой, что в оригинале пословичного выражения звучит как *Тёрӗслӑх тӗрлӗ те, мӗлки кукӑр.* / «Правда прямая, ее тень кривая», что может соответствовать по смыслу русским пословицам: *Не всяк судит по праву, иной по криву; Была когда-то правда, а ныне стала кривда.* Это особенно ярко проявляется в социальных и межличностных отношениях, на что указывают как русские, так и чувашские пословицы, сравним: *У всякого Павла своя правда; Правду говорить – никому не угодить.* – *Тӗрӗ калакан тӑванне юраман тет.* / «Считается, что родне не угодил тот, кто говорит правду»; *Тёрӗслӑх те тӗрлӗрен пулать: пуянсен хӑйсен, чухӑнсен хӑйсен.* / «Правда тоже бывает разной: у богатых – своя, у бедных – своя». Несомненно, возможность различно интерпретировать смысл слова «правда» противоречит самой сущности правды и подрывает доверие к ней, отсюда рождаются сомнения в существовании правды как истины в последней инстанции.

В метафоризованном поле концепта ПРАВДА можно выделить ряд семантических парадигм как с положительной, так и отрицательной коннотацией. С одной стороны, правда сильна и могущественна: *Тӗрӗ сӑмахран тӗре те хӑранӑ.* / «Правдивого слова и судья боялся»; *Чӑн вилӗмрен хӑтарать.* / «Правда спасет от смерти». И если найдется тот, кто решит, что сможет «укротить» безудержную силу правды, то он глубоко заблуждается, потому что она способна на многое, а это не всем нравится: *Тёрӗслӑх тӗрмене хуптарать.* / «Правда посадит в тюрьму»; *Тёрӗс сӑмах куша кӗрет.* / «Правда глаза колет». Она может принести боль и страдания, что подтверждается пословицами: *Правду похоронишь, да и сам из ямы не вылезешь; Правду говорить – себе досадить; Горькая правда.* – *Тёрӗс сӑмах армути тутти калать.* / «Правда на вкус как полынь».

С другой стороны, спрятать правду (истину) не представляется возможным для обывателя: *Чӑнлӑха чӑлана хупса усрайман.* / «Правду не спрячешь в чулане», так как рано или поздно о ней все узнают: *Тёрӗслӑх пурпӗрех сиеле тухать тешӑ.* / «Говорят, что рано или поздно правда раскроется».

В русском пословичном фонде главенствующими метафорическими образами можно считать следующие: «правда – бог, свет, разум, справедливость», например: *Правда – свет разума*. Она ценнее денег и золота: *Деньги могут много, а правда все; Правда дороже солнца*. Подобное сравнение, представленное единично, находим и в чувашском языке: *Тёрёслёх умёнке хёвел те нуç тайнй тет*. / «Говорят, что даже солнце поклонилось правде». Однако перед богатством правда может и не устоять: *Укça умёнке чанлăх та куçне хупать*. / «Перед деньгами даже правда закрывает глаза».

В чувашском языковом сознании счастье напрямую зависит от одной составляющей – правды-истины: *Чанлăх çук çёрте телей те çук*. / «Где нет правды (истины), там нет и счастья». Национально обусловленным представляется наличие пословиц, подтверждающих связь правды и тюрьмы: *Тёрёслёх тёрмерен тухайман*. / «Правда не смогла выйти из тюрьмы»; *Тёрёслёх тёрмерен хйрамасть*. / «Правда не боится тюрьмы»; *Чанлăх ума тухиччен суя тёрмерен тухса куça шăтарё*. / «Прежде чем правда выйдет из тюрьмы, ложь проколет глаза». Для русского метафорического поля такая аналогия нетипична.

В чувашских народных изречениях описывается местоположение правды, которое можно определить как повсеместное: на земле, на небе, под землей и т. д.: *Тёрёслёх çёр айне алтăнса юлнй*. / «Правда зарыта в землю»; *Тёрёслёх ула кёсре хўри айёнке*. / «Правда под хвостом пегой кобылы»; *Тёрёслёх çелте тет*. / «Говорят, что правда на поверхности».

Следует отметить, что силой правды в сознании чувашского этноса является понимание того, что правда – это моральная вершина, обязательная для жизни общества: *Тёнке пётсен те чанлăх юлать*. / «Даже если миру придет конец, правда все равно останется». Поэтому при решении любых жизненных задач люди руководствуются стремлением выстраивать отношения по принципу правдивости и тяжело переживают, если этот принцип нарушается, потому что именно тогда на смену правде приходит ложь: *Тёрёслёх суран сўрет, ултав утна сўрет*. / «Правда пешком ходит, ложь на коне скачет»; *Тёрёс калаçмасăр тёрёслёхе асаплас мар*. / «Не мучай правду, говоря неправду». В русском языке эквивалентное значение передает пословица *Правда притомилась, лжи покорилась*.

Ложь в чувашской пословичной картине мира представлена в ярко выраженном эмоциональном ключе. На метафорическом уровне эта когнитивная категория определяется как самостоятельный и активный субъект действия как в русском, так и в чувашском языках, сравним: *Чанлăх ума тухиччен ултав куça шăтарё*. / «Прежде чем правда выйдет наружу, ложь проколет глаза». – *Ложь ложью погоняет*.

Описательные характеристики лжи как одушевленного предмета уничтожительны: *Ултав ури мăтăк*. / «У лжи короткие ноги»; *Ултав куçё çара*. / «Глаза у лжи наги»; *Ултав ури улттă та, анчах пурте йвăсран*. / «У лжи шесть ног, но все они из воска». Аналогичные модели, но представленные единично, находим и в русских пословицах: *Ложь на тараканьих ножках*. Следует отметить, что какой бы сильной ни была правда, она никогда не сможет обогнать ложь: *Суя чупать çёр сулла, чанни утать пёр сулла*. / «Ложь идет по ста дорогам, правда – по одной»; *Тёрёслёх суран сўрет, ултав утна сўрет*. / «Правда пешком ходит, ложь на коне скачет».

Образное восприятие концепта ЛОЖЬ в сознании обоих народов рождает смысловую ассоциацию «ложь быстра и многолика, а правда одна»: *Чанлăх – пёчен, ултав – улттăн*. / «Правда – одна, ложь – шестером». – *Лжи много, а правда одна*. Она быстро распространяется, потому что врать легко: *Пёр сын элек парса сарсан вун сын та тўрлетееç çук*. / «Если один человек распространил клевету, то и десять человек не в силах все исправить»; *Суеçтерме çăмăл, ёçлеме йвăр*. / «Соврать – легко, работать – трудно». – *Врет, себя не помнит; Врет и глазом не смигнет*.

Ценностное отношение к категории лжи в чувашском языковом сознании обусловлено жизненными и поведенческими ситуациями, в которых оказывается человек. С одной стороны, в пословицах звучит идея о том, что ложь – это беда, несущая зло: *Суйкăн сынна ёненсен суккăр пулса ларăн*. / «Если поверишь лжецу, то ослепнешь». С другой – ложь – это необходимое средство для достижения собственных интересов, сравним: *Улталамасăр капкăн та лектереймест*. / «Без лжи даже ловушка не сработает»; *Улталаймăн – сутаймăн*. / «Не совершь – не продашь». В русском языке соотносимой является пословица *Кто лжет, тот крадет*.

Коллективным отражением чувашского менталитета можно считать мысль о том, что ложь является одним из главных условий на пути к богатству, о чем говорят многочисленные примеры: *Суйкăн суяçсине аташать, пуян пуяçсине аташать теççё*. / «Говорят, что лжец ложью бедит, а богач – богатством»; *Суйма пёлекен пуйма та пёлет*. / «Умеющий врать сумеет и разбогатеть»; *Улталаймăн – сутаймăн*. / «Не совершь – не продашь»; *Ултавсăр усламçă пулаймăн*. / «Без вранья не стать торговцем». Последствия такого «содружества» губительны, но человек понимает это поздно: *Тёрёсмарлăх малтан пуйтарать те, кайран пётерет*. / «Неправда сначала обогащает, а потом уничтожает»; *Суйнине пуйни нуça янй*. / «Одурманили ложь и богатство».

Образная основа концепта ЛОЖЬ обуславливает эмоциональное состояние личности, формирует символическое пространство вокруг него в отрицательном эмоционально-оценочном ключе. В частности, и в русских, и в чувашских пословицах отмечается, что благополучие, созданное при помощи лжи, не гарантирует уважения и почитания со стороны других людей: *Раз солгал, а навек лгуном стал*. – *Суя суяса сумй пулаймăн*. / «Ложью уважаемым не станешь»; *Элек тикёт нек, пёр вараласан час тасалмасть*. / «Клевета подобна дегтю: испачкавшись ею, трудно отмыться». Однако в нравственно оценочном плане лживые люди, клеветники в отличие от правдолюбцев часто получают положительный отклик от других людей: *Ёмкёчё паракан юрайман, элек паракан юранй*. / «Преподнесший соску – не угодил, а преподнесший сплетни – угодил»; *Элек паракан юранй, ёçлекен юрайман*. / «Тот, кто сплетничал – угодил, а тот, кто работал – не сумел угодить». Отмечается, что подобные люди более приспособлены к жизни: *Элеклё сын таçта кайсан та вилмен*. / «Куда бы не пошел клеветник,

он не умрет»; *Суесе ултавсă улталанă*. / «Лжеца врун обманул»; *Элек паракан тўрене юранă, тўрĕ калакан тăванне юрайман*. / «Клеветник угодил честному, честный же не смог угодить родне». Как видим, в данном случае ложь выступает доминантной силой по отношению к правде. Несмотря на то, что лжецы могут угодить людям, в представлении чувашей такие люди весьма опасны, они не заслуживают уважения и доверия, что отражено в пословицах: *Американа кайса суй*. / «Иди в Америку и соври»; *Суйкăна ёненекен сук, куштана хисеплен сук*. / «Нет веры к лжецу, нет уважения к гордецу»; *Суя суяканăн чăнĕ сук*. / «Во лжи лжеца нет правды». То или иное отношение ко лжи служит средством характеристики людей, которых называют клеветниками: *Санталăка сил пăсать, сынна элек пăсать*. / «Погоду портит ветер, а человека – клевета»; *Элек саракан сакăр сьăлхлă тет*. / «Говорят, что у разносчика сплетен восемь грехов».

Важной моральной установкой является понимание того, что ложь – это порок, если человек стал постоянно обманывать, то его уже не остановить: *Элексĕ элек сараймасан ун чĕлхине хурт сĕет тет*. / «Если клеветник не сплетничает, то червь поедает его язык»; *Ху улталанмасан сын улталамась*. / «Никто тебе не соврет, если ты сам не врешь». Эта особенность характерна и для русского языкового сознания: *Врет, сам себя не помнит*.

В чувашских и русских пословицах утверждается, что также стоит учитывать недолговечность лжи во времени: *Суйкăн суйи тухсах пырать*. / «У лжеца ложь всегда выплывает наружу»; *Суяпа инсе каймăн теçсĕ*. / «Говорят, что враньем далеко не уйдешь». В отличие от правды она обеспечивает мгновенный результат, но в конце концов все возвращается к начальной точке – истине: *Пĕрре улталăн, иккĕ улталăн, виçсĕмĕшĕнче ларса макăрăн*. / «Один раз обманешь, второй раз обманешь, а на третий – поплачешь»; *Суйкăн суйи тухсах пырать*. / «У лжеца ложь всегда выплывает наружу»; *Ултав тăрă шыв сине тухатех*. / «Лжеца рано или поздно выведут на чистую воду». – *Ложь доводит до правды*.

Специфической репрезентацией концептуальной оппозиции «правда – ложь» может стать, на наш взгляд, сравнение этих понятий со смертью, которое выявляет принципиальное различие между ними в чувашском языковом сознании: правда в своей основе созидательна, поэтому оказывается сильнее смерти: *Чăн вилĕмрен хăтарать*. / «Правда спасет от смерти». Ложь несет в себе разрушительное начало для человека, сравним: *Суя пурнăç – сур пурнăç*. / «Жизнь во лжи – полжизни»; *Суян ёмĕрĕ кĕске*. / «У лжеца короткий век». Но особенно страшна она тем, что способна привести человека к смерти: *Элек парса сынна вĕлерттернĕ*. / «Клеветой человека убил»; *Элек хыçсăн кайса сынна вĕлерттернĕ*. / «Тот, кто последовал за клеветой, убил человека». В то же время важным посылом является мысль о том, что лжец может обмануть всех, кроме смерти, что делает ложь слабее правды: *Улиш сурне те улталать, вилĕме сех улталаймась*. / «Барышник обманывает всех, только смерть не может обмануть».

Таким образом, анализ вербализации концептообразующих понятий «правда» и «ложь» в когнитивно-прагматическом ключе показал их полифункциональность, реализующуюся в условиях контекста.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В сравниваемых лингвокультурах правда и ложь – динамичные понятийные единицы, имеющие философское наполнение, в них сконцентрированы представления о моральных и этических установках общества и личности, вербализованные в русском и чувашском языках через систему языковых единиц. Они отражают как общие, так и дифференциальные черты, обусловленные национально-культурным своеобразием народов, а также причинами социально-экономического, идеологического, эстетического характера.

2. Образная основа концептов ПРАВДА – ЛОЖЬ обуславливает духовное состояние личности, формирует символическое пространство вокруг нее с позиции нормативно-оценочных характеристик, в результате чего оба концепта метафоричны по выражаемому значению, но ложь имеет более яркую негативную эмотивно-оценочную коннотацию.

3. Этнокультурное содержание концептов ПРАВДА – ЛОЖЬ связано со стереотипами сознания этносов и во многом совпадает, но в русском языковом сознании правда ассоциируется с божественным началом, в чувашском же содержание обусловлено внешним воздействием человека. Одновременно утверждается мысль о взаимосвязанности и взаимообусловленности этих категорий.

4. Констатируется, что правда как действующий субъект при всей своей значимости и важности не всегда может устоять перед ложью, потому что сила лжи в ее многоликости. Хотя правда и возвышается над ложью, ей часто не находится место в реальном мире, а ложь, напротив, хорошо приживается в человеческом сознании и на земле. У лжи есть качественное и количественное преимущество перед правдой, потому что она выгодна лжецам. Однако ложь во многом обусловлена ситуацией – это враг правды, но она готова подстроиться под нее, поскольку чувствует силу, мощь и непобедимость правды.

5. С позиции ценностного содержания отношение к правде в чувашском языковом менталитете представляется в большей степени пессимистичным, нежели в русском сознании. В пространстве чувашской картины мира правда выступает как единица функционально-прагматического уровня в отличие от русского национального сознания, где на первый план выступает эмоционально-оценочное восприятие рассматриваемого концепта.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в комплексном изучении и сопоставлении пословичной концептуализации мира, имеющей ценностное содержание для русского и чувашского народов.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1995.
2. Борисова Л. В., Иванова А. М., Чуева Э. В. Национально-культурные особенности репрезентации концепта «война» в русской и чувашской языковых картинах мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-261-270>
3. Борисова Л. В., Чуева Э. В. Традиционные народные представления о добре и зле и их репрезентация в чувашской языковой картине мира // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 1. <https://doi.org/10.37972/chgru.2021.110.1.001>
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4.
6. Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5.
7. Земскова Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2006.
8. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009.
9. Кунькова А. А. Концепт «правда» в восточнославянской языковой картине мира (на материале «Повести временных лет») // Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ / ред. Н. А. Боженкова и др. СПб.: МАПРЯЛ, 2019.
10. Масляков В. С., Нагорная Т. А. Тоска по правде как одна из смысловых сторон концепта ПРАВДА, вербализованного лексемами правда, truth и verdad (на материале русских, английских и испанских пословиц и поговорок) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V111>
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ; Восток-Запад, 2009.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Акад. Проект, 2001.

Информация об авторах | Author information

Борисова Людмила Валентиновна¹, д. филол. н., доц.

Иванова Алена Михайловна², д. филол. н., доц.

Чуева Эльвира Витальевна³, к. филол. н., доц.

^{1, 2, 3} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Lyudmila Valentinovna Borisova¹, Dr

Alena Mihailovna Ivanova², Dr

Elvira Vitalievna Chueva³, PhD

^{1, 2, 3} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ ljudmila-borisova@yandex.ru, ² amivano@rambler.ru, ³ chueva.elvira@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.04.2024; опубликовано online (published online): 31.07.2024.

Ключевые слова (keywords): концепт; репрезентация; сопоставительная лингвокультурология; языковая картина мира; concept; representation; comparative linguoculturology; linguistic picture of the world.